

П Р И Б А В Л Е Н І Я

КЪ ВОЛОГОДСКИМЪ

ЕПАРХІАЛЬНЫМЪ ВѢДОМОСТЯМЪ.

(Годъ двѣнадцатый).

ЮНЯ 15. № 12. 1876 ГОДА.

С Л О В О,

сказанное на литургіи въ соборной церкви
Спасо-При-луцкаго Вологодскаго монасты
ря, въ день ежегоднаго праздника обители,
3 Юня, (*) 1876 года.

*Придите ко Мнѣ вси труж-
дающіися и обремененніи, и
азъ упокою вы (Мат. 11. 28).*

Такими словами Господь нашъ Иисусъ Христосъ призы
ваетъ къ Себѣ людей, обремененныхъ грѣхами, трудами, скор
бями, бѣдствіями и всякаго рода лишеніями. И св. церковь
всякій разъ, когда мы празднуемъ память Преподобныхъ Угод
никовъ Божіихъ, напоминаетъ намъ сіе призываніе Спасителя.
И дѣйствительно, покой, который обѣщаетъ зовущій Господь,
есть такое благо, безъ котораго человекъ, при самыхъ благо-

(*) Въ этотъ день ежегодно, съ 1503 года, совершается
торжественное воспоминаніе возвращенія въ Спасоприлуцкій
монастырь изъ Москвы чудотворной иконы Препод. Димитрія
Прилуцкаго, сопутствовавшей Великому Князю Іоанну III въ
походъ его подъ Казань. Торжество начинается крестнымъ хо
домъ въ монастырь изъ Волог. кафедр. собора.

приятныхъ обстоятельствахъ, каковы: здоровье, богатство, почести, и мірскія удовольствія, есть самое жалкое существо. По сему-то все, къ чему человѣкъ ни стремится, о чемъ ни заботится, служить только средствомъ къ пріобрѣтенію этого драгоценнаго блага. Собираетъ ли онъ богатство, домогается почестей, стремится ли къ пріобрѣтенію познаній, всегда имѣетъ въ виду достиженіе спокойствія. Но кому неизвѣстно, какъ часто горькимъ плодомъ всѣхъ нашихъ заботъ и трудовъ бываютъ одни безпокойства и страданія? Отъ чего же это? Отъ того, конечно, что мы идемъ къ нему не тѣмъ путемъ, какимъ слѣдовало бы идти,—думаемъ достигнуть душевнаго спокойствія чрезъ пріобрѣтеніе такихъ предметовъ, которые только увеличиваютъ наше безпокойство и мученіе.

Въ настоящее время—время всеобщаго движенія ума человѣческаго—одинъ изъ существенныхъ источниковъ заботъ и безпокойствъ человѣка есть жажда познаній. Человѣкъ стремится рѣшать самыя высокія задачи, онъ усиливается измѣрять небеса и глубину вѣдръ земныхъ; онъ стремится проникнуть въ развалины древнихъ гробницъ, съ цѣлію [вывѣдать что нибудь о древнихъ временахъ и народахъ, которые давно уже спятъ непробуднымъ сномъ во прахѣ могилъ; онъ старается подняться въ неизмѣримыя области неба или опуститься въ самыя глубины морскія и пропасти земныя; онъ усиливается разлагать стихіи земныя съ тою цѣлію, чтобъ заставить ихъ служить своимъ нуждамъ, словомъ, человѣкъ старается посвящать всѣ силы на то, чтобъ удовлетворить пылкости своего ума и достигнуть истины. И какихъ онъ не предпринимаетъ трудовъ, какихъ не приноситъ жертвъ, чтобъ удовлетворить этому стремленію, постигнуть все, что относится къ нашему спокойствію и счастію! Но къ сожалѣнію, вѣковый опытъ увѣряетъ насъ, что всѣ усилія и труды разума человѣческаго, при всѣхъ его богатыхъ сокровищахъ, безъ

высшаго благодатнаго пособія, приводятъ насъ не къ спокойствію, а напротивъ къ большимъ безпокойствамъ и мученіямъ. Было впрочемъ время, когда разумъ человѣческій, при озареніи Божественномъ, ясно видѣлъ и познавалъ истину; но послѣ того, какъ человѣкъ, увлеченный словами оболъстителя, вздумалъ присвоить себѣ званіе Божественное, его умъ лишился небеснаго свѣта, утратилъ истину и за тѣмъ долженъ былъ блуждать *во тьмѣ невѣднія*, по распутіямъ грубыхъ заблужденій и суевѣрій. Читая произведенія языческихъ мудрецовъ, невольно приходишь къ мысли, что истины какъ бы не было и нѣтъ для человѣка, что напрасно онъ и трудится постигнуть ее. И дѣйствительно, этотъ трудъ человѣка былъ бы напрасенъ, если бы только на пути къ истинѣ не было у него другаго высшаго руководителя и наставника, кромѣ собственнаго разума—разума слабаго поврежденнаго. Этотъ высшій руководитель и наставникъ есть Господь нашъ Іисусъ Христосъ, въ Которомъ, по слову Апостола, *всѣ сокровища премудрости и разума сокровена суть*. Онъ есть истинный свѣтъ міра, который просвѣщаетъ всякаго человѣка свѣтомъ небеснаго ученія,—просвѣщаетъ сѣдящихъ во тьмѣ и сѣни смертной; и всѣ тѣ, которые притекали къ Спасителю и съ пламенною вѣрою принимали Его ученіе, удовлетворяли своимъ стремленіямъ и достигали *истины*. И въ самомъ дѣлѣ, не этимъ ли путемъ простые и невнижные ученики Христовы достигали той высочайшей мудрости, которая открыла глаза цѣлому міру и покорила кресту царей и царства? Не этимъ ли путемъ многіе изъ подвижниковъ христіанскихъ пріобрѣтали то удивительное знаніе, которое поражало ложныхъ учителей, еретиковъ и всякаго рода мудрецовъ земныхъ и такимъ образомъ препятствовало распространенію въ мірѣ безбожія, невѣрія, суевѣрія и вольнодумства? Нѣтъ сомнѣнія, что когда и мы пойдемъ этимъ путемъ къ мудрости; когда въ помощь

своему слабому уму призовемъ небеснаго Наставника Христа Спасителя, не для удовлетворенія суетнаго любопытства, а для спасительнаго назиданія, тогда и нашъ путь будетъ болѣе счастливъ; тогда и наши стремленія и труды, подкрѣпляемые уроками божественнаго откровенія, не останутся напрасными, но приведутъ насъ къ вождельвному *покою въ познаніи истины*. Правда, мы удивляемся иногда обширности познаній въ тѣхъ людяхъ, которые никогда и не помышляли о приобрѣтеніи премудрости Божіей, но это удивленіе наше можетъ простираться до тѣхъ только поръ, пока мы не присмотримся внимательнѣе, что всѣ познанія таковыхъ людей, всѣ повидимому гениальныя открытія ихъ, болѣе или менѣе, ограничиваются кругомъ земныхъ предметовъ. Что же касается до предметовъ небесныхъ, то они ихъ не пріемлютъ и не постигаютъ. Отъ чего же это? Отъ того, что они не заботились прежде всего познать истиннаго виновника всего сущаго—Бога, не стяжали премудрости Божіей; ибо только *во свѣтъ Божіемъ*, по словамъ пророка, *мы видимъ свѣтъ* (Пс. 35, 10).

Кромѣ стремленія къ истинѣ, есть у насъ другое, столь же сильное стремленіе, стремленіе къ добру. Правда, наши поступки не рѣдко противорѣчатъ этому св. чувству: такъ наприм. порочныя наклонности, худыя привычки, непреоборимыя страсти, очень часто заставляютъ насъ забывать о предписанномъ намъ Богомъ долгѣ и противъ воли нашей влекутъ насъ въ рабство грѣха; а между тѣмъ чего стоитъ удовлетвореніе какой либо страсти: съ одной стороны пронырства, пролазничества, хитрости, притворное униженіе предъ высшими, хищничества, грабительства, обманы, зависть, ненависть и вражда съ равными; съ другой стороны—ошибки, непредвидѣнныя неудачи; труды и порывы ревности не по разуму; сомнѣнія объ успѣхѣ при встрѣчѣ съ препятствіями, иногда только мнимыми; злые и коварные враги, вооружаемые нашимъ же счастьемъ

емъ, — вотъ обыкновенные спутники каждой страсти, которой чѣмъ чаще мы удовлетворяемъ, тѣмъ болѣе она раздражается, тѣмъ большую возбуждаетъ жажду! И кто не знаетъ этого изъ насъ по собственному опыту? Кто по этому не желалъ бы жить для добродѣтели, какъ подобаешь истинному христіанину? Но въ сожалѣнію у насъ не достаетъ силъ, чтобы освободиться отъ ига грѣховнаго, отъ своихъ худыхъ привычекъ, и начать жизнь новую, святую. Гдѣ же взять этихъ силъ? Были, а можетъ быть и теперь есть, такіе мудрецы, которые мечтали, что для сего достаточно однихъ естественныхъ силъ человѣка. Но откровеніе Божіе, подтверждаемое опытомъ, ясно говоритъ, что *еже хотѣти прилежитъ ми, а еже содѣяти доброе, не обрѣтаю. Вижду инъ законъ во удыхъ моихъ, противозвоющъ закону ума моего и плѣняющъ мя закономъ грѣховнымъ* (Рим. 7, 8—23). Замѣтимъ, братіе, что это говоритъ о себѣ одинъ изъ верховныхъ Апостоловъ, мужъ въ высшей степени исполненный благодати и благочестія. Что же послѣ этого сказать объ обыкновенныхъ смертныхъ, о тѣхъ, которые, или совсѣмъ не знаютъ пути самоотверженія, или весьма не много шли по этому пути, или же еще и не начинали идти по немъ? На нихъ лежитъ тяжкая отвѣтственность предъ Богомъ, особенно, если они, даже не испытавъ тяжести крестнаго пути, останавливаются и уклоняются отъ него. Ни слабость нашихъ силъ, ни наше невѣдѣніе, ничто не можетъ извинить нашего равнодушія, лѣности и безпечности къ добру и оправдать насъ предъ Богомъ. То справедливо, что мы сами по себѣ существа слабыя, что, при однихъ естественныхъ своихъ силахъ, мы ни чего добраго не можемъ дѣлать; но у насъ есть всесильный помощникъ на этомъ пути, Господь нашъ Іисусъ Христосъ, съ Которымъ мы при всѣхъ своихъ немощахъ, можемъ достигнуть всего; можемъ преобѣдить всѣ препятствія и приобрѣсть то нравственное совершенство, которое такъ возжелѣнно и ко-

торое поставляетъ человѣка выше человѣчества. Милосердый Ходатай нашего спасенія, Господь нашъ Иисусъ Христосъ даровалъ намъ вся Божественныя силы, а съ ними все необходимое къ животу и благочестію (2 Петр. 1, 3). Намъ нужно только какъ можно чаще съ вѣрою и любовію притекать къ Нему и Онъ поможетъ намъ утвердиться въ добродѣтели, а съ тѣмъ вмѣстѣ достигнуть того высочайшаго *спокойствія*, которымъ каждая добродѣтель награждаетъ духъ человѣка.

Наконецъ, есть у насъ еще стремленіе, стремленіе существенное и постоянное, это стремленіе къ счастію. Сердце наше такъ сотворено, что оно постоянно ищетъ ничѣмъ не возмущаемой радости, жаждетъ блаженства, чуждаго всѣхъ недостатковъ и лишеній. Но какъ рѣдко оно находитъ удовлетвореніе своему стремленію, своей жаждѣ! Она перебираетъ всѣ земныя блага: ищетъ его въ уединеніи и тишинѣ, гоняется за нимъ по шумнымъ собраніямъ міра, устремляется къ почестямъ и славѣ, испытываетъ всѣ роды земныхъ удовольствій и вездѣ находитъ одну пустоту и томленіе духа. Чего бы казалось недоставало къ полному счастію людямъ богатымъ, которые, при довольствіи и счастіи, никому не обязаны ни зависимостію, ни признательностію и, которые своимъ состояніемъ успѣли оградить себя отъ всѣхъ недостатковъ и лишеній, такъ, что подь часъ, подобно евангельскому богачу могутъ сказать если не словами, то поступками своими: *душе, имай многа блага, лежаща на мѣта многа: почивай, яждь, пей, веселися* (Лук. 12, 19); а между тѣмъ, какъ часто они проводятъ дни и ночи въ безпокойствахъ и заботахъ, въ самомъ мучительномъ опасеніи и страхѣ? Не счастливы ли повидимому люди, преданные мірскимъ удовольствіямъ, у которыхъ одни наслажденія смѣняются другими, за однимъ веселіемъ слѣдуетъ новое, больше прежняго? А между тѣмъ, какъ часто среди этого мнимаго блаженства, слышатся вздохи и воздыханія не-

довольнаго и скорбнаго сердца, а, если и случается, что оно на какую нибудь минуту развлекается, то для того только, чтобы послѣ предаться большей грусти и безпокойствамъ. Отъ чегоже это? Отъ того конечно, что истинное счастье человѣка заключается не въ земныхъ, и чувственныхъ благахъ, а въ благахъ духовныхъ. Оно на небѣ — въ источникѣ всѣхъ благъ — Спасителѣ нашемъ и только тотъ, кто всѣмъ сердцемъ и всею душою притекаетъ къ Нему, находитъ для себя истинное счастье, покой и полное блаженство. Разительнымъ примѣромъ въ этомъ отношеніи служатъ христіанскіе подвижники: они оставляли всѣ блага сего міра; срывались отъ нихъ въ пустыняхъ, горахъ, вертепахъ и пропастяхъ земныхъ, съ тою цѣлью, чтобы вдали отъ суеты мірской — въ служеніи Спасителю найти блаженство для себя. И точно, блаженству ихъ позавидовалъ бы самый искренній міролюбецъ! Они не пользовались никакими особенными отличіями сего міра, не обладали никакими сокровищами его; мало этого, многіе изъ нихъ даже неизвѣстны были міру; но что значитъ это въ сравненіи съ тѣмъ внутреннимъ миромъ и блаженствомъ, которые подвижники Христовы ощущали въ своей душѣ? Никакія скорби и бѣдствія, которыя такъ многочисленны въ этомъ мірѣ, не могли поколебать въ душахъ ихъ этого мира. Напрасно коварный міръ изошрялъ противъ нихъ всю свою злобу, напрягалъ всю свою силу, чтобы поколебать спокойствіе угодниковъ Божіихъ; пламенно предавъ Спасителю, они не скорбѣли, испытывая разнаго рода мученія, но съ радостію принимали ихъ, почитая самую смерть вѣнцомъ земнаго и началомъ небеснаго своего счастья. Такимъ высокимъ блаженствомъ награждаетъ Господь сердца тѣхъ, которые съ вѣрою и любовію притекаютъ къ Нему и въ Немъ ищутъ своего блаженства! Послѣ этого не безразсудно ли и не грѣшно ли прилѣпляться къ суетнымъ земнымъ благамъ и забывать о томъ истинномъ благѣ, вотъ-

рое одно можетъ доставить намъ наше блаженство и покой?—
 Это благо есть Христосъ?

Будемъ же помнить это, братіе, тѣмъ болѣе потому, что животворный свѣтъ, принесенный Спасителемъ нашимъ для нашего просвѣщенія, вразумленія и нашего нравственнаго усовершенствованія, не вѣчно будетъ свѣтить намъ на землѣ. Настанетъ время, когда померкнетъ для насъ этотъ невечерній свѣтъ; когда глаголы небснаго ученія не будутъ болѣе казаться нашего земнаго слуха. Это послѣдуетъ тогда, когда мы вратами смерти вступимъ въ предѣлы вѣчности, въ неизвѣстную намъ страну замогильнаго міра. Въ этой недовѣдомой для насъ странѣ настанетъ для насъ новал, другая жизнь; тамъ вступимъ мы въ тавія условія нашего бытія, которыя неизвѣстны земному взору и все то, что могло бы бытъ съ душевною пользою употреблено нами здѣсь на землѣ, будетъ тамъ только свидѣтельствовать противъ насъ; а свидѣтельство это будетъ страшное, ибо оно судеть свидѣтельствовать о всѣхъ нашихъ дѣлахъ, словахъ, мысляхъ, желаніяхъ, чувствованіяхъ и намѣреніяхъ. Иное можетъ бытъ мы теперь и позабыли, но все это вмѣстѣ съ нами перейдетъ въ вѣчность, и тамъ, когда предъ сѣдящимъ на престолѣ Праведнымъ Судією разгнутся книги совѣстей и сердце людей, раскроется тогда и нашъ свитокъ, въ которомъ написана вся исторія нашей жизни. Эготъ свитокъ будетъ свидѣтельствовать за насъ, или противъ насъ. Онъ откроетъ всѣ наши совѣты сердечные, обнаружитъ всѣ наши студныя пожеланія, нечистые помыслы, праздыя мечтанія, которые мы совершали и въ домѣ и во храмѣ Божіемъ и во всякомъ мѣстѣ. Словомъ, тогда представится полная картина нашей жизни. По этому свидѣтельству произнесется надъ нами судъ, и горе намъ, если онъ будетъ направленъ къ нашему обличенію. По этому, братіе, доколѣ еще есть время, доколѣ невечерній свѣтъ Христовъ, или что то же, Хри-

стианское ученіе, свѣтитъ намъ на всѣхъ путяхъ вашей жизни, будемъ пользоваться имъ, какъ истинные сыны церкви Христовой и вѣрные граждане царства Христова. И если только мы будемъ ходить неуклонно при этомъ свѣтѣ, то, нѣтъ сомнѣнія, что мы избѣгнемъ тѣхъ преткновеній, которыя неизбежны на пути жизни и ведутъ человѣка въ пагубу. Нашъ умъ, жаждущій истины, не будетъ при озареніи этого свѣта столько подвергаться ошибкамъ и заблужденіямъ, но будетъ ясно познавать истину и правильно пользоваться ею. Наша воля, жаждущая добра, не будетъ такъ часто уклоняться на стропотные пути порока, но будетъ находить наслажденіе въ любви къ Богу и въ исполненіи воли Божіей. Наше сердце, жаждущее блаженства, не будетъ столько томиться, но найдетъ благодатную отраду, и здѣсь—въ свѣтлые, или бурные часы нашей жизни, и тамъ—въ незримой дали небесныхъ пространствъ, гдѣ мы будемъ вполне счастливы, спокойны и блаженны. Безконечная любовь Спасителя нашего всегда готова даровать намъ это благо, и сама зоветъ насъ къ тому, когда говорить: *приидите ко Мнѣ вси труждающіися и обремененніи, и Азъ упокою вы.* Аминь.

В а р л а а м ъ, Епископъ Тотемскій.

ИЗЪ ПОРТФЕЛЯ ОСИПА БѢЛОМОРСКАГО.

Зырянскій край.

Въ Зырянскихъ уѣздахъ, Вологодской губерніи, съ нѣкотораго времени неурожайные годы повторяются все чаще и чаще, главнымъ образомъ отъ морозовъ во время лѣта, которые убиваютъ незрѣлыя жатвы, вслѣдствіе чего бываетъ голодь. Голодь становится еще тяжелѣе по отдаленности этого края отъ хлѣбныхъ рынковъ. Во время голода народъ обременяется частными, общественными и казенными долгами, и все таки большинство питается мякиной, толченою корой, толченою соломой, примѣшивая къ нимъ незначительное количество

зерноваго хлѣба. Такая пища, понятно, развиваетъ въ чело-вѣческомъ организмѣ разныя изнурительныя болѣзни.

Конечно никто не въ силахъ измѣнить мѣстныя клима-тическія условія, но можно, по нашему мнѣнію, облегчить бѣдствія происходящія отъ неурожаевъ введеніемъ въ употребленіе вмѣсто толченой мякины и соломы, болѣе питательныхъ лишаевъ и мховъ, растущихъ въ изобиліи въ Зырянскомъ краѣ, въ которыхъ относятся: исландскій мохъ (*Lichen Islandicus*), бѣлый олений (*Lichen Rangiferinus*) и древесный (*Lichen Lragimens*). Всѣ эти мхи у насъ на сѣверѣ извѣстны подъ общимъ именемъ ягеля, отъ финскаго слова *jekele*. Скажемъ о значеніи ягелей въ народномъ хозяйствѣ на сѣверѣ. Исландскій мохъ даже въ медицинѣ употребляется какъ укрѣпляющее средство въ нѣкоторыхъ болѣзняхъ. Въ самой Исландіи онъ составляетъ обыденную пищу народа съ прибавкой крупы, картофеля, муки.

Олений ягель, съ примѣсью зерноваго хлѣба, употребляется въ пищу въ Финляндіи, Норвегіи и Швеціи. Служа при нуждѣ подспорьемъ хлѣбу, олений ягель могъ бы имѣть важное значеніе и въ сѣверномъ хозяйствѣ. Олений ягель служить любимую пищей сѣвернаго оленя.

Въ уѣздахъ же Яренскомъ и Устьсысольскомъ, вся площадь которыхъ равняется двадцати милліонамъ десятинъ, стало быть занимаетъ болѣе половины всего пространства Вологодской губерніи, олений ягель густо стелется на громадныхъ пространствахъ по тундрамъ и сухимъ лѣсамъ, такъ что слѣдовательно эта мѣстность представляетъ наилучшія условія для разведенія здѣсь оленей. Такимъ образомъ вологодскіе Зыряне, по инициативѣ правительства и Московскаго Общества Акклиматизаціи, могли бы съ большою пользою ввести у себя оленеводство. Насколько выгоденъ для Вологодцевъ этотъ промыселъ, показываетъ примѣръ Зырянъ Мезенскаго уѣзда, извѣстныхъ въ торговомъ мірѣ подъ названіемъ Ижемцевъ и сосѣднихъ съ Зырянами Яренскаго и Устьсысольскаго уѣздовъ.

Многіе изъ Ижемцевъ содержатъ отъ 5 до 8 тысячъ головъ оленей, и годичный доходъ ихъ отъ этого промысла доходитъ отъ 5 до 8 тысячъ рублей, такъ какъ отъ каждаго убитаго оленя выручается не менѣе 5 р.

Вотъ какими судьбами мезенскіе Зыряне, несмотря на неурожаи своего хлѣба, не знаютъ голода, живутъ припѣваючи въ красивыхъ домахъ, внутри убранныхъ на буническій ладъ,

опратно, въ достаткѣ, и, кромѣ отлучекъ по дѣламъ торговымъ, не оставляя родины пользуются рѣдкимъ въ крестьянскомъ быту благосостояніемъ. Даже по наружному виду мезенскіе Зыряне отличаются отъ прочихъ. Это народъ рослый, стройный и благообразный.

Не таковы во всемъ вологодскіе Зыряне; однако и они когда-то наслаждались замѣчательнымъ богатствомъ. Между прочимъ, изъ жизни Св. Стефана Пермскаго, имѣвшаго свою епископію въ Устьвымѣ, въ нынѣшнемъ Яренскомъ уѣздѣ, видно, что онъ много находилъ у тамошнихъ язычниковъ золота, серебра и дорогихъ мѣховъ. Въ настоящее же время вологодскіе Зыряне обитаютъ въ грязныхъ хижинахъ, пресмыкаются въ бѣдности, а для насущнаго пропитанія и уплаты податей разсыпались по бѣлому свѣту. Одни постоянно живутъ въ столицахъ, другіе въ Ижмѣ, у Зырянъ мезенскихъ, либо въ Пермской губерніи, на Чердынскихъ заводахъ; значительная часть пробавляется бурлачествомъ, въ сплавъ судовъ къ Архангельскому порту; въ самой Вологдѣ найдете Зырянъ работающихъ безъ жалованья, изъ-за одного хлѣба. Но нигдѣ не везетъ этимъ честнымъ труженикамъ, такъ какъ они трудятся на неблагоприятной почвѣ, покидая домашнее дѣло на попеченіе стариковъ и женскаго пола. Рѣдкій артельщикъ можетъ отвлаживать копѣйку, а бурлакъ и поденщикъ едва сводитъ концы съ концами; производительныя же силы страны остаются не тронутыми.

При такой экономической неурядицѣ забыто и оленеводство, промыселъ для всѣхъ доступный и во многихъ отношеніяхъ болѣе полезный для населенія чѣмъ фабричное дѣло.

Древесный мохъ растетъ на хвойныхъ и нѣкоторыхъ лиственныхъ деревьяхъ, въ видѣ длинныхъ кудрей, похожихъ на львяную паклю. Зырянскіе лѣса изобилуютъ этимъ древеснымъ паразитомъ. Древесный мохъ вреденъ для роста и жизни растений, соками которыхъ онъ питается, но для человѣка можетъ служить хорошею пищей, тѣмъ болѣе что не имѣетъ горькаго вкуса; питательностью же, по удостовѣренію ученыхъ, превосходитъ пшеничную муку; значитъ собраніе этого чужаднаго растенія принесетъ двойную пользу: сохранитъ деревья отъ чахлости и засыханія и дастъ туземцамъ новое подспорье въ хлѣбѣ.

Собираніе и очистка отъ сора съѣдобныхъ мховъ не требуетъ большаго труда и умѣнья; даже дѣти и старики могутъ

заниматься этимъ дѣломъ. Лучшая пора для сбора ягелей сырая погода; въ сухое время они жестки и хрупки.

Горькій сортъ ягеля выщелачиваютъ для извлеченія горьбаго начала, иные же просто завариваютъ кипяткомъ и даютъ ему простыть; потомъ, сливъ жидкость, перепускаютъ чрезъ мохъ чистую, холодную воду, раза два или три; далѣе высушиваютъ на солнцѣ или въ печкѣ и превращаютъ въ муку на ручныхъ жерновахъ, или на мельницѣ. Въ Норвегii такая мука имѣетъ постоянную цѣну: за одинъ кулъ ржаной муки даютъ два куля ягельной. Для приготовленія хлѣба не бходима примѣсь какой-нибудь зерновой муки, потому что тѣсто изъ одной ягельной недостаточно клейко. Смотра по обстоятельству, берутъ той и другой муки по ровну или какой-нибудь меньше, во всякомъ случаѣ получается хорошій хлѣбъ. Такой хлѣбъ черствѣетъ не скоро; я самъ ѣлъ его въ моемъ путешествiи по Финляндii и находилъ всегда довольно вкуснымъ.

Каша изъ всякаго ягеля варится какъ обыкновенная размазня; къ ней, по вкусу и по средствамъ каждаго, прибавляютъ крупы, ягодъ, молока, масла, что кому нравится. Кисель же изъ ягельной муки готовится известнымъ и у насъ всѣмъ хозяйкамъ способомъ какъ изъ муки овсяной, гороховой, картофельной.

Дѣйствительный членъ Императорскаго Вольнаго Экономическаго Общества, Политико-Экономическаго Комитета и Архангельскаго Губернскаго Статистическаго Комитета.

(Москов. вѣдом. 1876 г. № 101.)

С о д е р ж а н i е.

—1) Слово, сказанное на литургii въ соборной церкви Спасо-Прилуцкаго Вологодскаго монастыря, въ день ежегоднаго праздника обители 3-го Юня, 1876 года. Преосвященнаго *Варлаама*, епископа Тотемскаго, Викарія Вологодскаго.—2) Изъ портфеля Осипа Бѣломорскаго. Зырянскій край.

Редакторъ *Николай Суворовъ*.

Дозволено цензурою. Юня 14 дня, 1876 г. Вологда
Въ типографii Губернскаго Правленiя.